

Ценностные представления и «парадоксы» самосознания // Социологические исследования. 1984. № 4. С. 29-36.

Известно, что правильная интерпретация результатов эмпирического исследования зависит от глубины теоретической разработки изучаемой проблемы. Эта зависимость особенно велика в условиях, когда исходная информация собирается посредством обращения к вербальному поведению и, следовательно, к фактам сознания респондента. Этим самым общим замечанием хотелось бы предварить рассмотрение вопроса о взаимоотношении ценностных представлений и потребностей личности.

Исходя из известного положения исторического материализма об относительной самостоятельности общественного сознания, мы попытаемся показать, что ценностные представления личности, фиксируемые массовыми опросами, не только отражают реальные потребности и интересы, но и подчиняются достаточно автономным внутренним закономерностям. В более широком плане речь идет о выявлении сложных и нередко противоречивых механизмов осознания человеком собственных жизненных приоритетов и потребностей, о включенности этих механизмов в соционормативную систему общества.

Для понимания природы данного процесса важно учитывать следующее: во-первых, категория «потребность» в марксистской литературе используется как синоним глубоко внутреннего, органического (т. е. не навязанного извне) побуждения человека к действию [3]. Во-вторых, потребности (как и интересы) «есть состояние субъекта (личности, коллектива, класса, общества в целом), которое выражает его зависимость от объективного содержания условий жизни и деятельности» [4]. Именно с потребностями связаны основные виды деятельности человека [5, с. 63]. Это в свою очередь обуславливает особую важность потребностей и интересов для человеческой активности в сфере социальной практики. Существует, кроме того, специфическая активность сознания, благодаря которой понимание значимости предметов и явлений оказывается не просто «копией» нужд и устремлений, а идеальным образованием, соответствующим или не соответствующим содержанию последних.

Активность подобного рода, связанная с ценностными аспектами сознания, и делает возможным возникновение расогласования между содержанием потребностей-интересов и содержанием ценностных представлений. Эта проблема, которая, по существу, была поставлена основоположниками марксизма и решалась ими применительно к классово-антагонистическому обществу [1], в настоящее время требует специального анализа с учетом практики социалистического строительства и воспитания нового человека.

Вопрос о взаимоотношении ценностных представлений и потребностей-интересов рассматривается в литературе в контексте саморегуляции социального поведения личности. При этом отмечается, что ценностные ориентации могут находиться как в единстве, так и в противоречии с потребностями и интересами. Подчеркивается даже, что отношение, которое устанавливается между системами ценностных ориента-

{29}

ций и основных жизненных функций индивидов (имеется в виду совокупность различных жизненных потребностей — когнитивно-психологических, социогенных и т. д.), является «отправным моментом понимания личности» [5, с. 60]. По мнению авторов диспозиционной теории, система ценностных ориентации, в отличие от социальных установок (аттitudes), а также общей направленности личности, образует лишь высший диспозиционный уровень саморегуляции [6]. Характеризуя каждый из этих уровней и показывая, как работает названная концепция при объяснении известного эксперимента Лапьера, Г. М. Андреева делает вывод о воздействии на формирование ценностных ориентации норм господствующей идеологии и определенных стереотипов общественного сознания, что особенно ощутимо в ситуации письменного ответа (добавим, и любого вербального отчета). В случаях же практического решения вопроса «срабатывает» тот уровень диспозиции, который регулирует достаточно привычный и элементарный поступок [7].

Аналогичное описание встречаем у ленинградских социологов, рассматривающих ценностную ориентацию как «обобщенный мотив действия». Примечательно следующее наблюдение исследователей: респонденты, ориентированные на «творчество» в работе, в конкретных ситуациях далеко не всегда демонстрируют соответствующие установки, и

наоборот, для тех, у кого по шкале ценностей не выявлены творческие ориентации, характерно активно-творческое отношение к труду в реальных обстоятельствах [8].

В социологической литературе анализируется и проблема стереотипного поведения. При этом обращается внимание на то, что в содержании стереотипа обязательно присутствует момент общезначимого, но только постольку, поскольку речь идет о ценностных предписаниях, нормах, диктующих способ поведения в конкретной социальной ситуации [9, с. 98]. Отмечается также факт «раздвоения» содержания стереотипа поведения: один и тот же человек может высказывать отрицательные оценки и одновременно иметь положительную установку по отношению к явлению, обладающему некоторым символическим значением. Иными словами, налицо сочетание двух противоречивых, но сосуществующих «систем отсчета» — нормативно-общезначимой и индивидуально-прагматической. Причем, если в первом случае опрашиваемые исходят не из своих индивидуально-прагматических, а из неких абстрактно-значимых приоритетов и мнений, которые подвергаются «в ходе тестирования логико-вербальной переработке и трансформации», то во втором — «функционирование стереотипов осуществляется на бессознательном уровне» [9, с. 101].

Как видим, различие стереотипов поведения усматривается в том, что одни из них, функционирующие на бессознательном уровне, по своему характеру являются индивидуально-прагматическими, а другие, будучи фактами сознания и подвергшись логико-вербальной переработке, зависят от абстрактно-общезначимых приоритетов и мнений. Аналогичная трактовка специфики ценностных ориентации по сравнению с потребностями предложена в книге «Теория личности». Авторы, называя систему ценностных ориентации аксиологическим «я», указывают, что последние порождаются общественными системами ценностей и представляют собой их интериоризацию. Ассимилированные сознанием индивида «ценности» служат «эталонной оценкой явлений, предметов, поступков других людей, общественных процессов и собственных поступков, и потому это знание функционирует как идеальная модель собственного поведения индивида» [5, с. 61].

Необходимость объяснения взаимоотношения ценностных ориентации и потребностей-интересов приводит, таким образом, к определению специфики «ценностного аспекта сознания». Этот термин все чаще используется в советской литературе для обозначения той стороны созна-

ния, в которой выражается его избирательность, «ориентация на выработанные обществом и принятые субъектом ценности» [10].

Однако приведенная характеристика не раскрывает, на наш взгляд, сути рассматриваемого аспекта. Гораздо более важным для уяснения его специфики является тот факт, что он непосредственно связан с самосознанием, которое трактуется в марксистской философии как понимание человеком своей общественной сущности. Именно необходимость соразмерять собственные действия и поступки с поступками других людей (без чего невозможна жизнь человека в обществе) формирует самосознание [11].

Следует помнить, что самосознание всегда формируется посредством уже принятых в обществе и зафиксированных в языке значений. Именно в самосознании в наибольшей степени проявляются чувство личной ответственности, стремление к саморегуляции и самоутверждению. Этим и объясняется особая роль общественных идеалов, господствующих стереотипов, эталонов «хорошего» и «плохого», «справедливого» и «несправедливого» в формировании самосознания, в определении его содержания.

Парадокс самосознания (самопознания) состоит в том, что, «познавая себя непосредственно (имманентно), мы тем самым опосредуем себя словом (знаком-значением)» [12]. Это определяет философскую и социологическую необходимость анализа вербального поведения для понимания интересующих нас теоретических проблем, а также для того, чтобы обеспечить корректность практических выводов, которые делаются на основании эмпирических данных, собранных в ходе опросов. Самосознание и самооценка, ценностные аспекты сознания существенно зависят от содержания информации, получаемой от других в виде знаков и символов. И хотя непосредственный жизненный опыт общения и деятельности играет важную роль для социально-нравственной самооценки (способность к которой закладывается в подростковом и юношеском возрасте), особая детерминированность самосознания подобной информацией не вызывает сомнения [13].

Итак, самосознание есть оценка своего «я» с точки зрения принятых в обществе

эталонов. Оно словесно оформлено и выполняет важнейшую социальную функцию, обеспечивая самоутверждение и самоуважение личности, что и объясняет ценностную его природу, зависимость от разделяемых символов и общественных идеалов. С другой стороны, сам ценностный аспект сознания, трактуемый в «узком» смысле слова, может быть понят лишь благодаря уяснению связи этого аспекта с самосознанием личности и социальными функциями последнего. Здесь уместно вспомнить характеристики потребностей-интересов, которые в известном плане противоположны характеристикам ценностного аспекта. Мы имеем в виду «ненавязанность» содержания потребностей-интересов «извне» и их зависимость от объективного содержания условий жизни и деятельности.

Таким образом, необходимо учитывать, что осознание потребностей и интересов и собственно ценностный аспект сознания — не одно и то же. Именно этим, на наш взгляд, предопределяется разграничение практической оценки и отнесение к ценности. «Практическая оценка и отнесение ценности (суждение типа „этот предмет мне дорог“) — два различных подхода к действительности, подчас тесно связанные друг с другом, даже совпадающие, но иногда резко противостоящие друг другу» [14]. Даже тогда, когда сами потребности-интересы общественно полезны и носят возвышенный характер, их осознание, реализуемое в практических оценках, рациональных суждениях, утилитарно по сравнению с ценностными представлениями.

Рациональным, утилитарным, «моим» потребностям как бы противостоят разделяемые «другими», «возвышенные», эмоционально окра-

{31}

шенные ценности-идеалы, выступающие в виде готовых, не требующих обоснования правил поведения. Объекты ценностных представлений — это также «особые» предметы и явления. Они приобретают специфическое, неутилитарное значение и функционируют как средство самоутверждения и самоуважения членов общества.

Говоря о ценностном аспекте сознания, следует, с одной стороны, отделять его от

целей, рационально выражающих потребности-интересы, и учитывать, что ценности-идеалы — лишь частное проявление многообразных сознательных намерений [15], а с другой — помнить о зависимости данного аспекта не только от общественных идеалов, но и от общественных норм поведения. Благодаря принципиальному сходству ценностных представлений и норм поведения, в некотором смысле их родству, состоящему в том, что и те, и другие выступают не только в качестве ориентиров поведения, но и в качестве средства, обеспечивающего самоуважение и самоутверждение, ценностный аспект сознания можно называть ценностно-нормативным. В советской социологической литературе обычно отмечается регулирующая роль нормы [16—18], тогда как ее использованию в целях самоутверждения не уделяется достаточного внимания. Именно эта особенность социальных норм обнаруживается при изучении поведения «методом нормативных задач».

Определяя перспективы такого подхода, М. И. Бобнева пишет: «В ситуации, на которую распространяется действие выработанных обществом, общностью, различными группами социальных норм и где от испытуемых требуется осуществление поведения с учетом этих норм, люди обычно испытывают побуждение осуществлять нормативное поведение, следовать тем или иным социальным нормам и представлять другим участникам ситуации свое поведение как нормативное и нормативно обусловленное» [17].

В ценностно-нормативном компоненте сознания можно разграничить уровни более абстрактные и более прагматические, отличающиеся большей конкретностью и близостью к содержанию потребностей и интересов. В свою очередь, в ценностях выделяются ценности-цели и ценности-средства, причем последние более всего близки к нормативным убеждениям личности [18]. Существует также градация норм в зависимости от степени их общности и характера связи с конкретными поведенческими реакциями.

Указывая на наличие вертикальной иерархии ценностных представлений, Н. Ф. Наумова подчеркивает: признание такой иерархии предполагает логико-семантическую интерпретацию фактов сознания и учет того, что процесс возникновения, образования и развития ценностного сознания в социально-практической деятельности является диалектически противоречивым [20]. Для обоснования данного положения ссылаются на конкретно-социологические исследования, в частности на исследование проведенное И. Драгановым, изучавшим социальные классы Болгарии. Результаты, полученные болгарским социологом, свидетельствуют, что в реальном поведении происходит своеобразное переконструирование ценностного сознания, приводящее не только к различию между верхним и нижним порядком ценностей, но и к противоречию между ними [20].

Анализ информации, собранной эстонскими социологами при исследовании социального самоопределения поколений, позволил выявить расхождения между когнитивным и поведенческим уровнями ценностных ориентации. Вот, например, один из выводов ученых: «оценка респондентами учебных занятий, связанных с овладением специальностью, довольно высока (на когнитивном уровне), хотя готовность заняться соответствующей деятельностью (поведенческий уровень) гораздо ниже» [8]. Примечательно, что обнаруженная тенденция наблюдалась на неодинаковых массивах. На наш взгляд, это служит доказательством

{32}

ее относительно устойчивого характера. Иными словами, расхождение между оценкой, адекватной общепринятым критериям, и поведением, в котором в большей степени отражаются потребности и интересы, проявляется достаточно четко и стабильно.

Изучая престиж и привлекательность профессий, мы столкнулись с аналогичной тенденцией. Оценка привлекательности профессий, которая, с нашей точки зрения, в большей мере соответствует потребностям и интересам, оказалась более тесно связанной с реальным поведением, чем престиж, зависимость которого от общепринятых стереотипов и критериев просматривается весьма определенно [19].

Итак, ценностно-нормативный компонент сознания разнороден по своей сути: чем сильнее его элементы связаны с непосредственной деятельностью, тем адекватнее они содержанию потребностей и интересов.

Мы отмечали, что неправомерно отождествлять ценностный аспект сознания с осознанием потребностей-интересов. Возвращаясь к данному вопросу, подчеркнем: недопустимо и противопоставлять их, ведь последнее существенным образом зависит от содержания ценностей-идеалов и соответствующих им норм поведения. Сказанное справедливо и относительно целей, которые, будучи результатом осознания

потребностей-интересов, отличаются от ценностных представлений, и тем не менее «в цели всегда явно или неявно присутствуют ценности» [20].

Адекватное осознание потребностей-интересов (как и жизнедеятельности в целом) не является чисто гносеологической проблемой. Суть ее состоит в том, что на образы, формирующиеся в процессе социальной практики, как бы накладывается совокупность уже содержащихся в общественном сознании представлений, непосредственно не детерминированных деятельностью личности. В данном случае речь опять идет о самосознании.

В связи с этим заслуживает внимания точка зрения, согласно которой самосознание есть не особый уровень или отдельный компонент сознания, а его неотъемлемая сторона, необходимое условие деятельности, всякого сознательного акта. Такой акт несет на себе печать саморефлексии, которая в свою очередь возникает под влиянием сложившихся стереотипов и идеалов. Следовательно, любое осознанное действие носит в известной степени ценностный характер. И хотя в структуре сознания необходимо различать «суждения о факте» и «ценностные суждения» [21], подобное разграничение весьма условно. Информация, полученная в ходе социологических опросов, даже если она, казалось бы, представляет собой простую констатацию факта, «пропускается» через оценочный аппарат респондента. Об этом свидетельствуют, в частности, наши исследования, в процессе которых мы сопоставляли сведения о зарплате по данным бухгалтерии и по ответам опрашиваемых [21].

Социологические исследования не просто подтверждают наличие ценностных компонентов сознания в любом сознательном акте — они обнаруживают также неодинаковую степень влияния ценностей-идеалов на различные компоненты сознания. Примечательны в этом отношении социологические исследования производственной осведомленности¹. (Этот термин обозначает информированность членов производственного коллектива о делах предприятия, о ближайших и отдаленных целях, которые предстоит достичь совместными усилиями.) Некоторые результаты социологических исследований производственной осведомленности уже освещались в литературе [21—25].

¹ Исследование производственной осведомленности проводилось под руководством автора дважды — в начале и в конце 70-х годов. В первый раз — применительно к производственному коллективу в целом, во второй — в связи с изучением социальных аспектов различных форм организации труда.

{33}

Специфику феномена информированности по сравнению с другими характеристиками массового сознания обычно усматривают в ее относительной ценностной нейтральности. Информированность (неинформированность) рассматривается как мера соответствия тех или иных сведений объективным фактам, реальным событиям или высказываниям [26, с. 298]. И если, как это часто делается, осведомленность выявляется посредством самооценок, ее информативный (неценностный) характер может быть взят под сомнение. Доказательством тому служит сопоставление данных об информированности фактической и «самооценочной» [22, с. 139—155]. Отождествление этих сведений нередко приводит к неверной интерпретации результатов и к некорректным выводам. Как справедливо отмечает А. В. Шишова, заключение исследователей о тесной связи между производственной осведомленностью работников и показателями их трудовой деятельности обычно бывает основано на том, что информированность фиксируется методом «самооценки», которая часто завышается [24, с. 131].

По данным нашего исследования, в ходе которого выявлялась производственная осведомленность рабочих в условиях различных форм организации труда, уровень фактической информированности намного ниже, чем «самооценочной». Связь между ними оказалась статистически незначимой. Вместе с тем обнаружилась следующая закономерность — с увеличением уровня одного вида информированности становится выше уровень другого. Полученные нами данные свидетельствуют, что соотношение между фактической и «самооценочной» информированностью рабочих не зависит от их социально-демографических характеристик (возраста, стажа работы на предприятии, образования, квалификационного разряда), а определяется в первую очередь содержанием информации. Максимальное расхождение практически во всех группах наблюдалось по вопросам, касающимся социалистических обязательств завода и бригады². Выявилось также существенное расхождение относительно системы

премирования.

На наш взгляд, здесь сказывается сильное влияние престижного фактора. Считается предосудительным не знать о принятых обязательствах предприятия, а тем более бригады, о том, за что присуждена премия и т. п. В тех случаях, когда речь идет о вопросах, наиболее тесно связанных с общественными идеалами, оценка респондентами своей осведомленности, как правило, значительно завышается. Отсюда следует важный практический вывод: данные о производственной осведомленности, полученные методом «самооценки», необходимо использовать в практике управления с известными ограничениями. Чем нейтральнее содержание информации по отношению к системе ценностей идеалам общества, стереотипам общественного сознания, тем ближе «самооценочная» информированность к фактической. Заслуживает внимания и другое обстоятельство: уровень производственной осведомленности представителей различных социально-демографических и профессионально-квалификационных групп работников зависит прежде всего от степени их включенности в производственный процесс, определяется как потребностями и интересами, формирующимися на основе жизнедеятельности коллектива, так и возможностью удовлетворить эти потребности в конкретных условиях.

Итак, изучение рассмотренного феномена тоже приводит к необходимости учитывать специфику ценностного аспекта сознания, его отличие от потребностей-интересов, своеобразную «отдаленность» последних от практической деятельности личности.

² Например, вариационный размах между индексами фактической информированности о социалистических обязательствах бригады и индексами информированности, фиксируемой методом «самооценки», составил для разных групп в среднем 1,3. Все индексы нормированы от —1 до +1.

Конечно, можно (а при решении определенных исследовательских задач и должно) фиксировать внимание именно на том, что социальная практика является главным фактором формирования не только потребностей-интересов, но и ценностных представлений, общественных идеалов. Нельзя забывать также, что идеалы зависят от интересов и что содержание первых корректируется в процессе социально-практической деятельности. Вместе с тем, как мы неоднократно подчеркивали, нередко происходит «отрыв» идеи от интересов, и это следует иметь в виду, особенно когда в качестве источника социологической информации используется вербализованное сознание человека.

Таким образом, мы считаем, что ценностные представления более удалены от реального поведения, чем потребности и интересы. Этот тезис, высказанный нами в одной из предыдущих публикаций, встретил ряд возражений. В частности, отмечалось, что согласиться с данным положением можно либо при условии понимания ценностных ориентации как гибких, ситуативных феноменов, либо, наоборот, в случае признания их «жесткости», мешающей им влиять на поведение [27]. На наш взгляд, дело не в этом и не в другом. Воздействие ценностных представлений на социально-практическую деятельность тем сильнее, чем адекватнее содержание последних потребностям-интересам, чем более «интернализированными» являются ценности. К. Маркс называл неверным заключение о существовании только «мелких» интересов на основании того, что «все то, за что человек борется, связано с его интересами» [2]. Ценностные представления способствуют «возвышению», «облагораживанию» потребностей.

Своеобразным механизмом, выполняющим функции связующего звена между потребностями и интересами, с одной стороны, и ценностными представлениями (выступающими в наиболее обобщенной, абстрактной форме общественных и личных идеалов) — с другой, служит мотивация поведения. Функция мотива состоит, на наш взгляд, в том, чтобы среди общественно признанных ценностей подобрать тот «довод», то основание поступка, которое в определенных условиях позволяет реализоваться потребности [28]. Данной точки зрения придерживаются и другие исследователи. Авторы уже упоминавшейся книги «Теория личности», понимая под мотивами сознаваемое и лингвистически оформленное самим индивидом побуждение, пишут, например, следующее: «Если динамическое побуждение, являющееся основой того или иного мотива, исходит из какой-либо фундаментальной потребности (витальной функции), то оформление такого побуждения, вследствие которого побуждение

становится осознаваемым мотивом поведения, совершается в тех аксиологических формах, которые поставляются системой ценностных ориентации личности, создающей на основе общественных систем ценностей, ассимилируемых индивидом» [5, с. 78].

Отмеченная особенность обнаруживается и при анализе эмпирического материала, который свидетельствует: по содержанию мотивов с большей вероятностью можно судить о ценностных представлениях, стереотипах общественного сознания, чем о потребностях и интересах. Это обстоятельство необходимо учитывать при интерпретации результатов социологических исследований.

Противоречивость соотношения потребностей-интересов и ценностно-нормативного аспекта сознания обуславливает необходимость разных способов их измерения. Однако нередко потребности и ценности отождествляются, что существенно снижает обоснованность результатов опросов. К числу распространенных ошибок относится, например, следующая: исходя из информации о ценностях труда (получаемой посредством фиксации вербально выраженных ориентации личности на труд и различные стороны трудовой деятельности) делается вывод о процессе превращения труда в первую жизненную потребность. Не-

{35}

корректность этого вывода очевидна. В данном случае было бы правильнее говорить о стереотипах общественного сознания, принятых в тех или иных социальных группах критериях оценки труда и связанных с ним условий. Таким образом, вопрос о ценностных представлениях как объекте социологического изучения не сводится к констатации их предметного содержания. Чем глубже мы проникаем в сущность социальных явлений и процессов, тем более сложными и противоречивыми предстают их внутрисистемные взаимосвязи. Парадоксы самосознания и ценностных представлений — убедительный тому пример.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Маркс К., Энгельс Ф.* Святое семейство, или критика критической критики.— Соч., 2-е изд., т. 2, с. 89; *Маркс К., Энгельс Ф.* Немецкая идеология.— Соч. 2-е изд., т. 3, с. 184—185;
Маркс К. Восемнадцатое Брюмера Луи Бонапарта.— *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 8, с. 145.
2. *Маркс К.* Дебаты о свободе печати.— *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 1, с. 72.
3. *Крутов Н. Н.* Мораль в действии. М.: Политиздат, 1977, с. 66.
4. *Вичев В.* Мораль и социальная психология. М.: Прогресс, 1978, с. 169.
5. Теория личности. Л.: Изд-во ЛГУ, 1982.
6. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности. Л.: Наука, 1979.
7. *Андреева Г. М.* Социальная психология. М.: Изд-во МГУ, 1980, с. 368.
8. Советская социология. М.: Наука, 1982, т. II, с. 136.
9. *Батыгин Г. С.* Стереотипы поведения: распознавание и интерпретация.— Социол. исслед., 1980, № 4.
10. Философский энциклопедический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1983, с. 622.
11. *Насонова Л. И., Скворцова Л. М.* Личностный аспект познания как творческой деятельности.— Вестн. МГУ, 1981, № 2, с. 43.
12. *Черносвитов Е. В.* Личностный аспект сознания.— Философские науки, 1976, № 1, с. 168.

13. *Кон И. С.* Открытие «я». М.: Политиздат, 1978, с. 256 и др.
14. *Гулыга А. В.* История как наука.— В кн.: Философские проблемы исторической науки. М.: Наука, 1969, с. 25.
15. *Гулуа В. Л.* Диалектика эмоционального и рационального в морали. Тбилиси: Мецниереба, 1981, с. 145—147.
16. *Пеньков Е. М.* Социальные нормы — регуляторы поведения личности. М.: Мысль, 1972, с. 43;
Ручка А. А. Социальные ценности и норма. Киев: Наук, думка, 1976, с. 21.
17. *Бобнева М. И.* Социальные нормы и регуляция поведения. М.: Наука, 1978, с. 306.
18. *Бади Б. Ш., Малинкин А. Н.* Уровни «практического сознания» и стиль жизни: проблема интерпретации отчетов респондента.— Социол. исслед., 1982, № 3, с. 139.
19. *Попова И. М., Моин В. Б.* Престиж и привлекательность профессий.— Социол. исслед., 1979, № 4.
20. *Наумова Н. Ф.* Нравственные антиномии современной буржуазной социологии.— Вопр. философии, 1970, № 2, с. 114.
21. *Попова И. М., Моин В. Б.* Заработная плата как социальная ценность.— Социол. исслед., 1983, № 2.

22. Проблемы социального регулирования на промышленных предприятиях. Киев.: Наук, думка, 1973.

23. *Романов О. В.* Влияние производственной информированности на общественно-политическую и трудовую активность.— Социол. исслед., 1976, № 4.

24. *Шишова А. В.* Опыт изучения производственной информированности работников промышленного предприятия.— Социол. исслед., 1979, № 3.

25. *Шишова А. В.* Воздействие содержания информации на осведомленность аудитории.— Социол. исслед., 1984, № 1.

26. Массовая информация в советском промышленном городе. М.: Политиздат, 1980.

27. *Фомина Л. П.* Научно техническая революция и изменение ценностных ориентаций.— В кн. Научно-техническая революция и личность. Л.: Изд-во ЛГУ, 1982, с. 43.

28. *Попова И. М.* Стимулирование трудовой деятельности как способ управления. Киев: Наук, думка, 1976, с. 34—46.

{36}